

царе Василье за четыре годы явления окаянного сего еретика разтриги Гришки Отрепьева видесе видение некоему мужу. В лета 7115-го году октября в 16 день сия повесть чтена на Москве во святой... церкви... царю» и т. д.¹⁶

Имеющиеся теперь списки «Повести о видении» позволяют коснуться еще одного спорного вопроса трактовки «Повести». Выше было указано, что ряд исследователей (П. Г. Васенко, Е. Н. Кушева) считали «Повесть о видении» сочинением, направленным против Шуйского. Основанием для подобного понимания «Повести» является единственный список ее, в котором рассуждение о пороках, царящих в обществе, изложено так («несть истины во царе же и в патриарсе»), что его можно отнести непосредственно к Василию Шуйскому и Гермогену. Чтение этого места во всех других тогда известных списках «Повести» «несть истины во царех же и патриарсех», позволяющее отнести его к Борису Годунову, к Лжедмитрию и патриарху Игнатию и менее обличительное для В. Шуйского, Е. Н. Кушева считала делом рук правительственной цензуры.¹⁷ И. И. Смирнов, не соглашаясь принять «искусственную конструкцию» Е. Н. Кушевой об экстренном превращении «антиправительственного памфлета (первоначальной редакции «Повести») в назидательное сочинение, распространяемое по царскому повелению», предлагает другое решение: он считает, что вариант чтения одного списка, неприемлемый для Шуйского и Гермогена, явился «результатом тенденциозной переделки первоначальной редакции „Повести“ кем-либо из враждебно настроенных в отношении Шуйского лиц».¹⁸ Нам кажется и то и другое решение вопроса слишком искусственным, так как при редакционной, сознательной переработке памятника вряд ли ограничились бы изменением числовой формы только двух слов, следы переделки, несомненно, встретились бы и в других местах «Повести». Однако таких других следов тенденциозной переделки текста в указанном списке не наблюдается. Встает вопрос: была ли вообще редакционная переделка? На наш взгляд, вернее «самое простое и чисто палеографическое объяснение», которое предложено А. А. Назаревским. Он считает, что писец единственного списка с чтением «несть истины во царе же и в патриарсе» попросту ошибся, опустив выносные буквы «х» в словах «во царе^х» и «патриарсе^х», имевшиеся в его оригинале.¹⁹ И это вполне правдоподобно: так, во всех трех новых и ранних по времени и хороших по исправности списках «Повести» указанный текст написан с выносными буквами: «несть истины во царе^х же и патриарсе^х».

¹⁶ ИА, т. VI, стр. 112.

¹⁷ Е. Н. Кушева. Из истории публицистики смутного времени XVII в., стр. 97.

¹⁸ И. И. Смирнов. Восстание Болотникова, 1606—1607 гг., стр. 290.

¹⁹ А. А. Назаревский. Очерки из области русской исторической повести начала XVII столетия, стр. 115.